

ДУША ВОРОНА

ЮЛІЯ КОВАЛЬЧУК

Юлия Ковальчук

Душа Ворона

<https://litres.ru/74052736>

SelfPub; 2026

Аннотация

Юной ведунье Богданке никак не давалась древняя магия. Как бы она ни старалась заучивать всякие там заклинания, все одно сплошная неудача. А впереди обряд-инициация по совершеннолетию. Самые достойные получают право хороводы водить да женихов присматривать, и еще ценные волшебные дары, а проигравшую отдадут в невесты Чернобогу.

За нареченной сам Ворон, слуга темного владыки, является. Переводит он девиц из яви в навь и поминай как звали Вот Богданка и не понимает, как при своем неумении состязания выиграть да не позволить Ворону оковы на себя надеть.

А куда думалось и гадалось, вдруг все закрутилось и завертелось так, что теперь попробуй размотать тот странный клубок.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

65

Юлия Ковальчук

Душа Ворона

Юлия Ковальчук

Душа Ворона

Аннотация

Юной ведунье Богданке никак не давалась древняя магия. Как бы она ни старалась заучивать всякие там заклинания, все одно — сплошная неудача. А впереди обряд-инициация по совершеннолетию. Самые достойные получают право хоро-воды водить да женихов присматривать, и еще ценные волшебные дары, а проигравшую отдадут в невесты Чернобогу.

За нареченной сам Ворон, слуга темного владыки, является. Переводит он девиц из Яви в Навь и поминай как звали... Вот Богданка и не понимает, как при своем неумении состязания выиграть да не позволить Ворону оковы на себя надеть.

Пролог

В темном небе сверкнула яркая молния, за ней еще одна и еще, казалось, вот-вот небеса разверзнутся и обрушатся на

землю-матушку. Тут и гром зарычал, будто раненый зверь. Однако природа бушевала недолго и успокоилась в тот миг, когда распахнулись врата междумирья и в мир Яви моментально устремилась целая стая черных птиц. Кричали они громко, шелестели мощными крыльями и одна за другой стали сбивались в одно целое до тех пор, пока не преобразовались в темную, высокую мужскую фигуру.

Это пришел он — Ворон в человеческом обличье. Верный слуга самого Чернобога. Посыльный, что приносил на Мидгард-Землю только тревожные вести. Обладал он магической силой, которая способна открывать врата не только в темный мир, но и в светлый. Знал тот Ворон потайные ходы мироздания, а посему ему было подвластно многое, и одно из этого — бессмертие. Ступал он важно на стылую землю так, что сизый туман под его ногами в разные стороны разбегался, а живые деревья ветви прятали, к стволам прижимали. Хищный зверь молчал в подземных норах и малейший звук боялся издать. Не дышала и птица лесная...

Ворон с гордо поднятой головой по земле вышагивал да с опаской по сторонам озирался. Глядел черными зоркими очами в дремучую даль, а в руке сильной держал сверток из ткани, что золотыми небесными нитями соткана. Живым сверток оказался, шевелился, а вскоре и кряхтеть недовольно начал.

— Шш-ш! — прошипел Ворон и глянул в белое личико младенца, который наивно моргал в ответ большими гла-

зенками, что синее небо напоминали. — Издашь хоть звук, скормлю тебя зверью лесному! — пригрозил он, а в ответ прекрасное чадо затихло совсем, будто послушалось. Откинул Ворон другой рукой длинный черный плащ, край которого в воздух взлетел, как воронье крыло, и тут же легкий ветерок по земле пронесся, поднимая вверх палую листву. Шел он все дальше в лес, помня приказ владыки темного царства: избавиться от чада на веки вечные, чтобы не проснулась в дитяти могущественная сила, способная уничтожить саму Навь. Схоронить надобно отпрыска светлых богов в зарослях дремучего леса, чтобы отомстить за поражение в жестокой борьбе, где темный мир потерпел поражение.

Хотел тогда навий бог завладеть мировым деревом¹, что в Ирий-саду² растет. Еще желал всеильным стать и испивать из Молочной реки студеной воды, чтобы сила его прибавилась. Но проиграл Чернобог, а в отместку приказал верному своему слуге-Ворону проникнуть в Правь и похитить дитя, что впитало в себя силу рода от Сварога и Лады.

Убить! Для Ворона нет невыполнимого, он всегда был верен своему темному хозяину и ни разу за много веков не ослушался. Бросил он зоркий взгляд на растущую луну, а затем снова опустил глаза на младенца, на которого падал тусклый свет, и вымолвил глухим басом:

— Родилась ты в день весеннего равноденствия, в этот

---

¹ Символ центра мира, ось, вокруг которой существует все, что окружает нас.

² Древнее название рая у восточных славян.

день и умрешь. — Занес Ворон над отпрыском острый кинжал, из пыли лунной кованный, опыленный золотыми частицами из самых далеких звезд и был готов нанести смертельный удар. Как вдруг остановился: что-то больно кольнуло в широкой груди, словно разряд молнии прожег воронью плоть. Неужто сердце ожило? Но только нет у Ворона сердца!

Еще раз замахнулся, и тут чуть поодаль услышал хруст ломающихся веток. За ним явно кто-то подсматривал.глянул он на низкий кустарник, напряг черные бездонные очи, стал вглядываться в ночной сумрак вороньим зрением и тут же заметил сгорбленную фигуру в темном балахоне.

Не одни они с дитем в лесу оказались в этот час. Громко и грозно выкрикнул Ворон:

— Выходи, ведунья старая! — Да так гаркнул, будто из его рта звуки тысячи птиц вырвались. Ребенок в его руках всхлипнул, испугался и заплакал. — Шш-ш! — прошипел Ворон, и чадо снова утихло, будто понимая, что нельзя его послушаться. — Говорю, выходи! — еще раз приказал.

Вмиг тут колючие ветки кустарника зашевелились, раздвинулись и медленно заковыляла ведьма в сторону недруга. Понимала старая, что час ее смерти настал. Теперь заберет Ворон ее душу в навье царство, где придется предстать перед самым темным богом. А он-то своего не упустит и припомнит все грехи, что творила ведунья на Мидгард-Земле. Хорошо, если в тварь какую превратит, а если в рабстве оставит? Да и дитя, что в руках у Ворона, жалко, ведь малю со-

всем, только на свет появилось, жизни еще не видело.

— Сжался, Ворон, слуга владыки темного, не погуби младенца и меня старую! — молитва принялась ведунья.

— Жалость мне неведома, старуха! А дите не твоя забота, не жить ей в трех мирах, не вырасти, — смотрел он грозно, хмуря густые черные брови.

— Знаю, что на многое способен ты, но прошу еще раз: одумайся, разве поднимется рука на чистую душу? Разве нет в тебе благородства? А я дитячко спрячу так, что никто и не догадается, чья кровь в ее жилах течет, — не унималась причитать старая.

— Ты говори, да не заговаривайся, ведунья, — прорычал он тихим голосом, но так, что зашевелились от страха на голове ведьмы седые волосы. — Да будь по-твоему, — сдался вдруг, — раз не побоялась встать передо мной, не струсила, значит, доверю я тебе это чадо небесное. Но с одним условием. — Он замолк на миг и на дитя поглядывал. Что-то внутри него происходило, что-то странное, будто бы темная душа проснулась, глядя на отпрыска богов. Да и души-то нет у Ворона, откуда тогда ему жалость знать? — Я заберу чародейскую силу ребенка, чтобы в будущем она не выдала моего предательства. Оставлю лишь маленькую каплю для врачевания и наложу свое заклятье, чтобы ни светлые, ни темные боги не знали о ее существовании.

— Милостив ты, Ворон, — поклонилась ведунья так низко, что челом почувствовала сырую, холодную землю. Гото-

ва была Ворону поклоны еще долго отбивать за то, что помиловал обеих, но с трудом поднялась и корявые руки к младенцу протянула.

— Не торопись, сначала ее сила, — осек Ворон ведунью, а после приложил ладонь к груди младенца и к силе божественной стал взывать. Вдруг заструилось серебром и золотом светлое чародейство, покидало оно тело младенца и к вороньей руке тянулось, а затем заструилось по выпуклым венам. Сжал Ворон кулак, и в один миг исчезло волшебное зарево, как и не было вовсе. В последний раз он глянул на спящее чадо, отогнал скверные мысли прочь и протянул дитя богов ведунье. Та перехватила живой сверток и подолом его укрыла. Спрятала от ветра порывистого, что в сию минуту налетел и закружил сухие ветки и листву. На какой-то миг женщина даже лишилась зрения, а когда распахнула веки, Ворона и след простыл, словно привиделся он ведунье, будто приснился старой. Да только дрожащие руки держали теплый комок, который мирно сопел, ничего не ведая. А вокруг снова белесая дымка в разные стороны заструилась и морок в дремучем лесу наводила, да не случайно. Прятал непроглядный туман от глаза людского врата междумирья, которые являлись переходом в загадочный и пугающий навий мир. Там, по ту сторону врат, темные боги вершили суд над душами, приходившими в свой час с Мидгард-Земли.

Глава 1

В небольшой деревушке под названием Ведьмино Гнездо, окруженной заповедными лесами и непроходимыми болотами, жила себе поживала юная ведунья Богданка — сиротская душа. Никто из деревенских не знал, откуда она появилась еще младенцем в селении, и никто не ведал, отчего старая ведьма Мара взялась за ее воспитание. А еще старожилы селения совершенно не понимали, для чего Мара стала обучать сие недоразумение древней магии? Ведь с детства Богданка славилась своими непредсказуемыми выходками. Бывало, пойдет к древним курганам, где прислужники богов захоронены, и невзначай вызовет буйного призрака — волхва Серафима, что при жизни (два века тому назад) был предан великому богу Роду и состоял в отряде жрецов по борьбе с ведьмами. А поскольку покойный служил верой и правдой своему делу, то спасу в селении не было никому. Буянил призрак да слова сакральные выкрикивал до тех пор, пока Мара не брала ситуацию в свои руки и не загоняла дух волхва обратно в могилу. Пожурит потом дитя и снова за обучение берется, верит старая, что из девчонки толк выйдет.

А еще Богданка с птицами разговаривала, со зверьем всяким, с домовым иногда, да это ладно. Ведь она еще и сама с собой речи вела, будто полоумная. Когда малой была, косы заплетать не хотела; как Мара ни старалась ее голову в порядок привести, ничего не выходило. Бывало выйдет из леса вся репейником облепленная, так до самого вечера старой

ведунье приходилось из густых русых волос колючки вытаскивать. Да и самое главное: дружбу Богданка с деревенскими смалу не водила, потому как считалась белой вороной. Может, и рада бы она с кем подружиться, но не выходило. Ребяшня местная вслед Богданке лишь у виска пальцем крутила да обзывала:

— Непутевая, приبلуда! Гы-ы! Непутевая идет!

Богданка поплачет тихонько в укромном уголке, чтобы Мара не видела ее слез, а после улыбнется рыжему коту, гуляющему по селению ведьм, и на душе вроде бы легче делается.

В общем, не от мира сего оказалась приبلуда, и только старая ведунья догадывалась, кого на самом деле воспитывала. А толку-то что? Богданке шестнадцать годков в тот самый день — день весеннего равноденствия исполнится, когда обряд-инициация в селении проходит. Для молодых ведуний обряд совершеннолетия — это радостный праздник, означающий, что теперь девка достигла возраста, позволяющего ей создать свою семью. После этого разрешались мужские ухаживания, а затем и жениха выбирали. Только было и недоброе в этом празднике: слабую ведьмочку нарекали «темной невестой» и отдавали Чернобогу, чтобы задобрить того на следующий удачный год. Не прошедшую все чародейские ступени соревнования забирал Ворон и уводил в Навь, где пропадала девица на веки вечные. Вот и беспокоилась Мара за свою подопечную, ведь Богданка и есть самая

слабая ведунья в Ведьмином Гнезде. Вoroжить девчонка так и не научилась, в волшебстве ее лишь одни погрешности были, которые старая ведьма до сих пор умело исправляла.

Какие только мысли не приходили в голову старухе, что она только не перебирала в них, а все не то было. Самой бы чародейство применить да принять на время облик Богданки, так сразу старейшины-то секрет раскроют и тогда, коли повезет, изгонят из деревни, а если нет — сожгут на позорном столбе обеих. Своих детей у Мары не было, не довелось как-то, вот и прикипела всем сердцем к девке, как к дитяти родному, что уже и не помнила того часа, когда Ворона повстречала...

— Точно же, Ворон! — вскрикнула Мара, отбросив метлу в угол сеней, полы которой только что мела. Та пролетела и встала аккуратно у стены, густой шевелюрой из сухих веток вверх. — Если он согласится Богданке дар вернуть, тогда она и не проиграет, — наивно подумалось вслух.

Присела Мара на широкую лавку у дубового стола, что посередине сеней стоял, весь усыпанный сухими разноцветными растениями, да по одному листки и цветочки скрюченными пальцами перебирать стала. Раскладывала в сборы пучками и нитками обвязывала. Без трав целебных никуда, особенно зимой, когда хворь всякая бушевала. Да и по весне отвары нужны были для восстановления сил после властвования богини холода Мораны на Мидгард-Земле.

— Безжалостный он уж больно и вряд ли поможет, — сно-

ва ведьма вслух вымолвила. — Лучше ему совсем на глаза не попадаться, а то недобрым часом еще хуже сделаю, — с опаской тут произнесла.

— Марочка! — Ласковый, тонкий девичий голос мгновенно заставил замолчать старую. Не нужно Богданке знать о своем прошлом, чревато это плохими последствиями. А все, как ни крути, в одну сторону катится. — Что опечалилась? — молвила Богданка и корзину с новыми, только что пробившимися травами на лавку поставила. Опустилась рядом с Марой, толстую растрепанную косу на грудь закинула и стала сосновые иголки из волос вытаскивать.

— Когда-то я этим занималась, когда ты еще малая была, а теперь и сама справляешься, — ухмыльнулась ведьма и снова пучки принялась вязать.

— Ты на мой вопрос не ответила: что так печалит тебя? Обряд инициации, должно быть? — Бросила девчонка последний клубок из колючек и волос в корзинку, куда Мара ненужные сухие ветки и листья от трав клала, чтобы потом сжечь, да большие, небесного цвета, глаза на ведьму подняла.

— Ничего-то от тебя не утаишь и не скроешь, — кивнула Мара, — душой печаль чувствуешь, моя горлица!

— Одна ты меня так называешь, Марочка. Остальные вон, — Богданка кивнула в сторону открытого окна, что на улицу выходило, и уста алые надула, — непутевой кличут.

— Не думай о них, милая, врачеватель на хворых не сер-

чает, — хихикнула Мара. — Али как?

— Хих-хи, — звонко по сеням разнеслось. — Смешная ты, Марочка, да обо мне не печалься. Лада и Сварог авось в беде не оставят.

— Они ж боги, а мы с тобой кто? Две ведьмы! На их благословение я бы не стала полагаться, — громко выдохнула старая. — Будем думать, как соревнования пройти. Хоть немного, но время-то у нас еще есть до праздничной недели. А теперь отвару мне сделай липового с мятой да принимайся пучки вязать.

Хорошие отвары Богданка готовила, целебные. Не обманул тогда Ворон, а теперь трижды пожалела Мара, что не настояла она еще на капельке чародейства для Богданки. Да и как было просить, когда две жизни на волоске от смерти висели?

***

Утро будило ласковыми лучами, что скользили по румяным щекам Богданки и светили прямо в закрытые очи, обрамленные густыми темными ресницами. Пробивалось солнышко через белую занавесь, вышитую по краям красными шелковыми нитями. Узоры на ткани они с Марой вышивали, а знаки таинственные на полотне — оберег от злых духов. Потянулась Богданка после сна. Откинула в сторону шерстяное одеяло и опустила стройные ноги на деревянный пол. За-

тем поднялась, еще раз кверху потянулась так, будто тонкая березка к небу, и босиком прошла к закрытому окну. Распахнула занавесь, створки открыла и вдохнула свежего весеннего воздуха, что из древнего, проснувшегося от зимней спячки леса доносился. Запах свежей хвои и молодой травы бодрил и немного успокаивал тревожное сердце. Сама-то она прекрасно понимала, что нет в ней того волшебства, которое для победы в соревнованиях сгодится. Все наказы и наставления Мары девушка наизусть выучила, но применить знания никак не получалось. За какое чародейство ни бралась она, а все без толку. Могла лишь малую каплю, например из гусеницы бабочку наколдовать или же закрытый цветочный бутон распустить. Еще вспомнила, как наемни ночью призрак волхва всю деревню на ноги поставил, когда Богдана снова к кургану неудачно сходила. Даже на предпоследнее место ей не приходилось рассчитывать, потому как молодые ведуньи мало того, что волшебство с молоком матери впитали, так еще и обучались в деревенской общине. Богданке же там места не нашлось. Вернее, ее взащей выгнали сразу после того, как на уроке ведовства по усмирению стихий, вместо того чтобы утихомирить начинавшийся небольшой ураган, она совершенно случайно направила его в сторону селения. Разбушевавшаяся стихия тогда хорошего шороху навела в Ведьмином Гнезде. После чего Маре пришлось извиняться перед старостой и старейшинами да все своим чародейством исправлять, то есть целых три дня ведьма приво-

дила селение в порядок.

Усмехнулась девица, вспоминая тот день, когда пришел конец ее обучению в общине, и до сих пор была благодарна опекунке за то, что та ни разу ее не упрекнула. Даже самая добрая мать отчитала бы свое чадо за провинность, наказала бы, но только не Мара. Ведунья всегда говорила Богданке, что она — подарок небес, который был найден ею в древнем лесу, поэтому-то и нарекла дитя подходящим именем. Единственное, Мара ничего не могла сказать Богданке про ее родителей. Да она и сама этого не знала, лишь догадывалась о небожителях. А про Ворона даже не зарекалась — боялась смерти, боялась того, что отнимет навий слуга самое дорогое — Богданку. Обещала ему старая спрятать дитя от Нави и Прави — выполняет. Первым делом-то что? Накормить дитя надобно, приласкать, добротой одарить, а оно потом и ответит, и не спросит ни о чем. Каждое утро ведунья коровьим молоком Богданку отпаивала-отпаивала, а та со временем настолько привыкла к утреннему обряду, что теперь только так и начинался ее день: с кружки парного молока, что Лютик давала.

Увидела Богданка через окно, как Мара в стойло к корове идет. В одной руке старой деревянное ведро покачивается, а в другой держит глиняный черепок с зерном для кур.

— Марочка, почто меня-то не дождалась? — выкрикнула она. — Я мигом, сама Лютика подою! — Животину Люти-

ком Богданка нарекла несмотря на то, что она женского рода будет. Лютик — и все тут. Мара же перечить не стала и смиренно согласилась.

— Не торопись, успеешь! — ответила ведунья и высыпала зерно курам. Яромир — большой белый петух (мирным нравом не славился, нападал на чужих при первой возможности), тут же встрепенулся, будто воевода важно закудахтал, давая команду курам приступать к клеву зерна. — Рано или поздно выйдешь замуж, а тогда и спать-то некогда будет.

— Замуж?! — усмехнулась Богданка в открытое окно. — Ты, наверное, шутки вздумала шутить?

— Вовсе нет! Есть у меня мысли, как обряд инициации стороной обойти, — хитро прищурилась ведьма. — А теперь одевайся, моя горлица, да понаряднее. Сегодня в деревню женихи из соседних поселений приедут. Будут наших девок рассматривать.

— А я-то тут при чем?

— Что ни на есть при чем! Одевайся, говорю, Богданка. Велено-сделано! — Мара попыталась строгой быть, но выходило не очень правдоподобно. — Все расскажу.

Кивнула Богдана и закружилась по горнице, словно волчок, подбирая самый лучший наряд, но только зачем это надобно? Все равно Любава самой красивой в Ведьмином Гнезде славилась. Наверное, эта слава и по соседним селам и погостам разнеслась, вот и приехали-то женихи перед обрядом инициации на красу посмотреть да себя показать.

— Точно же, именно сегодня старосты будут список участниц составлять и Перуна славить, чтобы дал воинственную силу участницам обряда, для сражения. Интересно, что же задумала Марочка? — произнесла вслух Богданка, доставая из большого дубового сундука красный сарафан, вышитый разноцветными шелковыми нитями и сорочку белую с красными узорами. Глянула на кожаные поршни и стала быстро надевать праздничную одежду. Ее Богданка редко носила, ей больше штаны да платье по колено, пояском подвязанное, привычнее было. В таких вещах удобнее по лесу ходить и травы целебные собирать. И за это ее невзлюбили сельчане, совсем уж Богданка не была похожа на местных девок. Пусть и выросла в Ведьмином Гнезде, а все равно порядков общины не соблюдала. Правда, старосты и волхвы на это закрывали глаза, потому как уважали Мару за прежние заслуги. И пока старая ведунья по хозяйству во дворе управлялась, Богданка успела порядок в горнице навести и себя принарядить. Заплела тугую светло-русую косу. После очелье, украшенное разноцветными узорами, на голову повязала. Поправила на висках крупные позолоченные кольца, улыбнулась зеркалу, словно свое отражение приветствуя. Покрутилась вокруг еще три раза и поняла, как же ей в этом наряде неудобно. Вот зачем только Марочка ее об этом попросила? И тут же вспомнила, как молодые ведуньи у речки о совете старейшин разговоры вели. Мол, если кто из женихов приметит себе невесту до обряда инициации, той и вы-

падет удача не участвовать в соревновании, а сватов ждать.

— Так вот что придумала Марочка! Замуж меня отдать хочет за кого угодно, лишь бы только Ворону не досталась!

— Богданка вздернула темную бровь.

— Лучше будет, если станешь с человеком жить на земле-матушке, чем в навьем царстве с Чернобогом, — вымолвила старуха позади Богданки. Ведро с парным молоком на лавку поставила и присела, будто устала так, как никогда прежде. Заметила и это девчонка, да только очи вниз опустила, и так ей на душе горько сделалось, что мочи нет. Хоть беги в дремучий лес и проси у Ворона отсрочки, лишь бы с Марочкой еще годок пожить. Помочь по хозяйству и насытиться еще немного добрым общением. — Стара я совсем стала, моя горлица. С каждой весной жизненные силы уходят. Хочу поскорее тебя к мужу пристроить, а тогда и на ту сторону перейти не страшно.

— Не говори так, прошу! — опечалилась Богданка.

— Пожила я свое на этом свете, пора и честь знать. Да, уходить пока рано мне, когда на сердце такой груз висит. В ответе я за твое будущее, Богдана, и не хочу видеть твоей гибели.

Маре становилось худо при одной лишь только мысли о Вороне. Она ясно осознавала: навий слуга узнает Богдану и тогда сам обрежет ножницами судьбы жизненную нить девицы. Ворон не допустит того, чтобы раскрылось его предательство перед владыкой темного царства.

— Думаешь, кто глянет на меня, Марочка? Могу ли я кому понравиться, когда на селении столько красавиц? А Любава краше всех будет...

— Красота твоя необыкновенная, ее лишь достойный разглядеть сможет. А про Любаву не думай, — успокаивала Мара. — Коли готова — пойдем на женихов посмотрим да себя покажем.

Медленно спустилась старая ведьма по ступеням крыльца, Богдана следом. Двинулись они прямо, вдоль невысокого тына по тропинке, что к главному месту в селении вела, а по сторонам не смотрели. Шли мимо деревянных изб и лишь изредка в приветствии кивали соседям.

Большая часть жителей селения уже собралась у капища Перуна на опушке, рядом с дремучим лесом. Почитали сельчане грозного, но справедливого бога-громовержца, жертву по большим праздникам в его честь приносили. Просил люд защиты от любой беды и ненастья, от иноземных захватчиков и злой нечисти. Просили еще, чтоб силы дал сыновьям во время охоты и похода на чужие земли, да дочерям во время обряда инициации. О последних больше всех просили, вот уже как не одну весну. Но не всем благоволил Перун и определял самую слабую ведьму в состязании, а после появлялся навий слуга и забирал «темную невесту». Тут уже ничего не поделать, потому как сговор с Чернобогом был крепок и неразделим, ведь за прошлое приходилось платить од-

ной девицей в год.

В то недоброе время на Ведьмино Гнездо напали берендеи-ведьмаки. Оборачивались они в медведей и забирали по пять молодых девушек в свое сельцо для размножения, потому как только родовая ведьма могла дать им сильное потомство. Набеги учащались, и как ни старались жители бороться с оборотнями, как ни воевали, а все было тщетно. Даже защищенный заговорами частокол вокруг деревни не помогал. Была у вожака ворогов черная магия, которая все преграды на пути берендеев убирала.

Тогда женщины и мужчины разделились: волхвы просили о защите Перуна, а жрицы — Ладу, но были и те, кто посчитал, что черная ворожба лишь навъему владыке подвластна. То были убитые горем родители, чьи дочери уже никогда не вернуться к отчему очагу. Собрались они в один час и двинулись к древнему лесу, в самую его чащобу.

Шли долго, пока не достигли границы миров, куда смертным дорога была закрыта, и на полную луну стали взывать к темному богу. И навий царь тот зов услышал. Да как было не услышать, когда страх людской перекликался со злостью, когда отчаяние смешивалось с гневом, а счастье разбивалось на мелкие черепки? Этого Чернобог не мог не узреть и помог Ведьминому Гнезду с берендеями, запретив оборотням и близко появляться в лесу рядом с селением ведьм. Вот за это попросил чистую, молодую девичью душу один раз на весеннее равноденствие, и если не выполнить его условия,

беда будет, а какая — так то только Чернобог сам и знает. Держит он за пазухой недуги и хвори разные, ссоры и разногласия, бедность и отчаяние, тьму и уродство, безумие и наконец самую смерть — мучительную, тяжелую, кошмарную.

Тогда старейшины и волхвы согласились на эти условия. Лучше по одной девке раз в год отдавать, чем берендеям-ведьмакам всех дочерей, на том и порешили. Да схитрили немного, выбирая самую слабую ведунью, от которой большого толка все равно не будет. Ах, если бы знала Мара, что именно Богданка станет самой слабой в Ведьмином Гнезде, разве осталась бы селении? Хоть и идти было некуда. Она все верила, что сила большая в ней проснется. Что Ворон не все отобрал, но нет — отобрал, оставил совсем каплю.

Глава 2

— Кто тебя такую замуж-то возьмет, непутевую? — высказывала Весея, невысокая, пухлая, с румяными щеками женщина. — Не чета ты моей Любаве, не чета. Тьфу, непутевая! — язвила она, когда Богданка встала в ряд с белолицей, стройной девицей. Любава лишь тонкой бровью повела, мол, ей тут вообще никто не чета. Вон у нее червленые уста пахнут земляничкой лесной, брови темные вразлет, а глаза зеленые хитры и притягательны. А коса-то какая! Толстая да золотом на солнце отливает. А еще стройна Любава, будто березка молодая. Куда уж этой непутевой! Хотя понимала дев-

ка и то, что очень мила Богдана, а возможно, и краше, правда, одной красоты мало, нужно еще и чародейкой быть самой лучшей. Да и тут Любаве равных из девиц не сыскать, если только Млада или Забава могли побороться за победу, но все одно немного в волшебстве уступали. Да и Малуша с Гостятой ей не соперницы. Она выровняла спину и бросила взгляд в сторону святилища Перуна, где люд честной да молодцы собирались. Мысли о непутевой покинули Любавину голову, как только взгляд остановился на высоком, плечистом молодом мужчине. Улыбался он широко, показывая ровные зубы, и изредка ладонью густую рыжую щетину поглаживал, да с еще одним пришлым о чем-то речи вел, на девок поглядывая. Волосы красавца, словно солома осенняя, на весеннем солнце светились, а кудри какие — загляденье. Хорошо был сложен молодец и одет богато. Накидка красная на одном плече крепилась, под ней рубаха белая с вышивкой. Штаны холщовые в сапоги кожаные заправлены, а на голове шапка с соболиным мехом. Глаз от такой лепоты было не отвести.

— Выйти замуж не напасть, как бы замужем не пропасть! — ответила Мара и бросила недовольный взгляд на Весею, а затем и на Любаву. Сразу поняла ведунья, о чем девка думает, не сводя бесстыжего взгляда от Радомира, сына старосты соседнего поселения Тихий Угол, что славилось своими куцесниками. Черепки и утварь кухонную разную из глины делали, а главным у них кузнецкое дело было. Вот староста Ратибор и сегодня не упускал возможности для переговоров о

торговле ценными вещами. Со старостой Ведыминога Гнезда Гордеем, скорее всего, об этом и разговаривали, а возможно, что о невесте для Радомира. Достиг молодец того возраста, когда пора свой семейный очаг строить.

— Типун тебе на язык, Мара! — поспешила огрызнуться Весея, потому как опасалась ведуньи. Глаз у старой уж больно недобрый, а сила ведовская сильна.

— А ты свой-то прикуси! Моя Богдана, может, и не ладит с чародейством, зато чиста душой и добра сердцем. А как такую красоту не полюбить, когда даже птички ей радуются? — Глянула тут Мара на чистое, без единого облака небо, а там два черных ворона кружат и громко каркают, будто передают навьему слуге, что у капища Перуна делается. Вдруг волнительно застучало немолодое сердце. Маре отчего-то страшно сделалось. Опасалась старая, что узнает Ворон Богдану, а тогда и завершит начатое, ведь девичья жизнь ему вовсе ни к чему. Может давняя правда раскрыться.

Староста Гордей, когда подошло время, гордо вышел в центр, окруженный шумным народом, к девицам-участницам. Окинул тех своим строгим взглядом, нахмутив кустистые светлые брови в цвет густой бороды, а в душе тут же горько сделалось. Каждый год, когда пробуждалась природа, нужно радоваться, а нет! Приходилось прощаться на веки вечные с одной из дочерей селения. Скверно было на сердце крепкого, выдавшего многое мужчины от бессилия и сво-

ей немощи перед Вороном и Чернобогом, да куда деваться-то, когда договор нарушить — верная смерть всему Ведьминому Гнезду. Но единственное, что хоть немного облегчало груз на душе Гордея — Богданка у Мары самая слабая ведунья и чужая приبلуда, а с такой, стало быть, и расставаться легче всему селению. Да и староста Ратибор свой выбор сделал, приглянулась ему в невестки Любава, дочь Весеи. Хороша деваха, глаз не отвести. Только вот незадача, самому Радомиру очень непутевая понравилась. Взяла Богданка молодца скромностью своей, красотой девичьей и чистыми, наивными глазами. Такая перечить мужу не станет, хоть за косы таскай, ежели понадобится, хоть уста пухлые целуй, сколько вздумается. Нужную беседу староста Гордей со старостой Ратибором провел, когда увидел, как смотрит Радомир на приبلуду. Но глава семьи четко определил, кто лучше подойдет его сыну, оттого и отлегло на сердце и душе у Гордея.

— Славься, бог наш громовежец Перун, — начал староста, кланяясь в сторону деревянного идола. Девицы тут встрепенулись, ожидая, кого настигнет судьба стать женой человеку, а кому придется побороться за то, чтобы не достаться темному владыке. — Сегодня день, когда наши дочери ступят на тропу войны и покажут свою чародейскую силу в день весеннего равноденствия. Только состязания выявят и определяют, кто продолжит мирскую жизнь, а кто, как истинный воин, отважно шагнет навстречу Ворону и не побо-

ится отправиться в самую Навь! — гордо продолжал староста, думая, что такими высокими словами он вселяет в слабую ведьму веру в ее особенную значимость. — Отправиться к навьему владыке — значит стать берегиней для нашего селения на целый год! — Гордей поднял руку и ткнул указательным пальцем в небо, словно подтверждая тот факт еще и жестом. Загудел недовольно люд честной. Послышались пересуды, мол, сколько можно-то Чернобогу девок отправлять и когда уже насытится он молодой кровью.

Подняла Богдана глаза на толпу и тут же встретила с изумрудными очами Радомира, глядел молодец на нее, не отводил взгляда да улыбался. Рядом с ним еще мужчина пришлый стоял, плечистый, высокий и черноволосый. Кивал он на слова сына старосты и тоже улыбался. Но у обоих мужчин веселье как рукой сняло, когда староста соседнего селения Ратибор вышел вперед и вымолвил:

— Сегодня я — староста Тихого Угла, селения, что славится своими кудесниками, выберу своему сыну Радомиру достойную пару из участниц соревнований. Тем самым избавлю девку от возможной опасности стать берегиней.

Затихла Мара в ожидании, глядя на Радомира, который ее Богданкой любовался. Примолкла и Весея, зная, что ее дочь достойна такого жениха, как сына старосты Тихого Угла. Но не могла не заметить, как тот на прибуду пялился, а чернобровый пришлый бросал косые взгляды на ее Любаву.

Прошелся Ратибор взглядом по девицам и остановил взгляд на Любаве, которая сразу почувствовала к себе внимание мужчины. Да и сам староста Тихого Угла ненароком залюбовался юной красой. Будь он чуть помоложе, мог бы и сам партию составить. Хотя Ратибору и до старости далеко, он мужик видный, сильный и мудрый, а как иначе-то? Он ведь староста!

— Ведуньи молодые, все как на подбор. Хороши, стройны и скромны, все чародейством славятся. Но лишь одна из вас станет мне невесткой, и это Любава, дочь Весей и Домира! — гордо вымолвил Ратибор.

— Отец, меня послушай! — вдруг громко выкрикнул Радомир, но отец руку вверх поднял, зажал крепкий кулак, и понял все молодец: перечить отцу, еще и на людях, непозволительно да совестно. Замолк быстро Радомир, опечалился, голову ниже плеч повесил, а пришлый по спине молодого мужа хлопает, как будто успокаивает. Остановилось на миг и сердце Мары. План ее провалился и упал на самое дно темной пропасти, откуда не достать, придется Богданке в соревнованиях участвовать, как ни крути. Думалось раньше уйти в дремучий лес и там поселиться, но лешие не терпят ведьмовского соседства, выжили бы. Еще посещали Мару мысли: а может, к кикиморам на болота-топи? Однако и там нет места чародейкам. А теперь, возможно, осмелиться и пойти к Ворону с поклоном, авось жизнь оставит?

— Ну что же, — выкрикнул Гордей, одобрительно кивнув Ратибору, мол, правильный тот выбор сделал. — Хорошую дочь вырастили Весея и Домир, а теперь ждите сватов! — важно продолжил. — Остальным же девицам желаю удачи и победы в соревнованиях в честь обряда инициации по совершеннолетию. Только жребий и ваше мастерство покажут, кому стать «темной невестой», а кому получать чародейские дары да вечерами хороводы водить.

Засвистел тут люд честной и шапки мужские в небо, как птицы, взлетели. Только Радомир молчал, ведь сказать ему было нечего. А затем бросил прощальный взгляд на Богдану и, скрывшись в толпе, рванул к лесу. Хотел один побыть, мысли в порядок привести и свою будущую судьбу хорошенько обдумать. Богданка же проводила молодца печальным взглядом, поскольку и ей приглянулся Радомир. Но быть ему женой выпала судьба Любаве, а приبلуде — готовиться к битве, в которой на победу рассчитывать не приходилось. Млада, Забава, Малуша и Гостиата — соперницы, достойные друг друга, в общине чародейству обучались, знали все тайны волшебства и с природой ладили: хоть бурю утихомирить, хоть гром и молнию вызвать — все могли. Вздохнула тут Мара тяжело, на девок строгий взгляд бросила, кивнула Богданке и заковыляла в сторону своей избы, что на самом краю селения находилась, рядом с древним курганом, где волхвов и старейшин селения хоронили. Богданка следом за ведуньей быстро зашагала, догнала и вымолвила:

— Радомир мне тоже приглянулся, Марочка, да только отец его Любаву выбрал, тут уж ничего не поделать.

— Верно сказываешь, моя горлица, — хрипло ответила ведунья. — Но и на этот проклятый обряд инициации я не хочу тебя отправлять, однако таковы законы Ведьминого Гнезда, будь они неладны.

— Так тут обряды не виноваты, все они — Чернобог да его слуга Ворон — чистых душ хотят. Почто они им, а, Марочка? Неужто им мертвецов недостаточно? — задавалась вопросами Богдана.

— Им непорочные души нужны, а для чего, то мне неизвестно. Да, тебе никак нельзя в навье царство, всем только... — замолкла старая на полуслове, чуть не выболтала тайну Ворона, а сказать хотела: «Только хуже станет, когда сам навий владыка живую Богданку увидит».

— Только? — заострила внимание девушка.

— Только тебе все равно не победить, моя горлица, поэтому нужно уходить куда глаза глядят!

— И куда же мы пойдем, Марочка, ведь вокруг дремучий лес и болота-топи, да и нет роднее места, чем Ведьмино Гнездо. Авось пронесет беда и я не стану самой последней. Может, еще разок попробовать обучиться чародейскому мастерству, ведь ты у меня самая сильная кудесница во всем селении и с твоими знаниями авось получится?

И тут осенило старую ведунью:

— А знаешь, есть еще одно. — Вдруг Мара повеселела.

— И что же? — переспросила Богдана, пропуская женщину вперед у ворот.

— А то. — Ведунья кивнула на крыльцо и медленно опустилась на ступеньку, приبلуда — рядом. — Есть одна древняя легенда о цветке, который распускается накануне дня весеннего равноденствия и обладает сильным волшебством природы. Только его сила недолговечна. Лишь на одни сутки княжна снежная одаривает своей силой человека.

— Княжна снежная?

— Именно так тот цветок называется, а найти его можно в дремучем лесу, точно на границе миров, куда смертному дорога закрыта, а чистому душой и сердцем княжна снежная сама показывается ровно в полнолуние. А кто у нас чист душой и сердцем? — прищурившись, спросила Мара.

— И кто же? — вновь переспросила Богданка.

— Ты, моя горлица! И это последняя наша с тобой попытка. Немедленно выдвигаемся, — резко выпрямилась Марочка и почувствовала, как закружилась голова. Чуть не рухнула старая ведунья обратно на ступеньку, да Богданка удержала.

— Ты совсем ослабла, Марочка, — пожалела ведунью девушка. — Ты дорогу мне подскажешь, а я сама пойду, ведь дремучий лес как своих пять пальцев знаю. Договорились? — Мара лишь печально кивнула. Стало ей горько от своей немоги, да деваться было некуда, придется Богданку одну отпускать, ведь времени оставалось все меньше.

Скинула Богданка нарядный сарафан, порты холщовые надела, сверху рубаху белую, а после плетеным пояском подвязала и в поршни кожаные влезла. Все думала о княжне снежной, о которой только слухи и легенды ходили. А вдруг и нет никакого волшебного цветка? Может, ошибается Марочка, уже не зная, как от соревнований избавить приبلуду. Но Богданка привыкла доверять ведунье и слушать ее, оттого и согласилась, а ежели нет — сама бы старая в дремучий лес побрела за цветком. Этого Богдана позволить не могла, зная, что силы Марочки на исходе.

— Готова? — прохрипела Мара.

— Да! — уверенно кивнула девица.

— Все мои слова запомнила?

— Да, Марочка! — еще раз кивнула Богданка.

— Тогда ступай, с тяжелым сердцем тебя отпускаю. Верю, что найдешь волшебный цветок, а с ним и силой чародейской соревнования будут не страшны.

А Ярило-Солнце все ярче светило, пригревало Мидгард-Землю своими теплыми лучами, в которых травка молодая нежилась и вверх тянулась. Деревья и кустарники почками покрылись, еще немного — и обрастут кроны зеленой листвой. Да и талый снег с полей уже сошел, совсем скоро готовить землю к весенним посевам нужно будет. В небе голосисто запевали синички и скворцы, а в лесу на окраине глухо каркали вороны. Огляделась Богдана, бросила послед-

ний взгляд на родное селение. Еще никогда оно таким прекрасным ей не казалось. Что-то защемило в груди, горько и печально на душе девицы сделалось. А правильно ли она поступает, когда соревнования нечестным путем пытается выиграть? Ведь нет у нее никакого чародейства и волшебства. Но не хотелось Богдане Марочку расстраивать, оттого и согласилась на поиски княжны снежной, что в ночь полнолуния накануне равноденствия распускается. Махнула рукой и ступила на тропинку, которая в самую чащобу древнего леса вела. Шла тихо, к природе прислушивалась, как вдруг позади нее опалые сухие ветки прохрустели. Резко обернулась Богдана и замерла на месте от неожиданной встречи.

— Ты что, следил за мной? — строго задала вопрос девица.

— Следил, краса моя, не мог остановиться, когда тебя увидел.

— Ты не должен здесь находиться, отец выпорет! — усмехнулась Богдана.

— Пусть выпорет, пусть до крови мою плоть розгами рассечет, но как увидел тебя, сердце в груди замерло!

— Радомир, уходи, да не позволит Лада того, чтобы нас кто из селения увидел, — ужаснулась Богдана. — Уходи, если не хочешь моего позора. Нам нельзя быть вместе. — Строго глянула девица на Радомира, тот и встал как вкопанный. Права была Богдана, честь девичью он не посрамит, не осмелится.

— Как прикажешь, Богдана! Но знай, любя ты мне, а не другая! — С этими словами бросился к селению Радомир и скрылся за густыми зарослями кустарников. Богдане еще печальнее стало, нравился ей сын старосты, да только не про ее честь Радомир на свет появился. Никогда им не быть вместе. Тут все уже решено старейшинами. А перечить им не могли — не по закону предков будет.

Глава 3

Вечерело. Ярило-Солнце прятало по одному свои золоти-сто-ясные лучи за буян-холмами, за вековыми елями, за синим небосклоном. Искрились его алые блики по тихой глади, словно божественная сила драгоценными камнями да самоцветами то озеро усыпала. А вскоре вспыхнуло яркое зарево над вековыми холмами и медленно потухло... Наступало время темной ночи, что еще пахла стыл^{ой} землей и талым снегом, спящим деревом и свежей хвоей. Замер дремучий лес, стоял не шелохнувшись. Что лесной зверь, что ночная птица и звук боялись издать — так тихо было. Лишь сизый туман ковром по молодой низкой траве стелился и наполнял воздух морозной свежестью. А вскоре прозрачная дымка все гуще становилась и тянулась вверх, словно хотела самих небес достать. Сначала она окутала низкие кустарники, а затем и к стройным стволам сосен подобралась. Также не забыла про грозные дубы, что величаво замерли в ожидании

чего-то необычного и странного.

К самому закату Богданка достигла дремучего леса, когда уже сумерки туманным мороком расстилались по земле-ма-тушке. Холодно и сыро становилось. Голые деревья почками покрывались и под легким дуновением ветерка за спиной девушки перешептывались. Где-то в чащобе кукушка куковала, а чуть поодаль светились глаза ночного филина. Пахло терпкой хвоей и мокрой древесиной. Стирались тут невидимые человеческому глазу границы миров, оставалось лишь сделать шаг, переступить черту и приблизиться к навъему царству. Именно в этом месте на полной луне должен появиться волшебный цветок, чародейские силы которого лишь единожды действуют. Однако опасность дремучего леса таила в себе не только скрытие входа в темное царство, а врата междумирья могли отвориться в любой миг, выпуская Ворона. Саму границу миров охраняла Ягиня — очень сильная и мудрая волшебница, именно на ее земле появлялась княжна снежная. Знала об этом Богданка, как и о том, что обладала хранительница миров мудрыми знаниями, а еще строга была да вряд ли просто так свой цветок кому-либо отдала бы. Любила Ягиня облик свой менять от юной красавицы до костлявой старухи и испытания всякого рода устраивать для тех, кто к ней за помощью приходил, но только не до этого Богдане было. Нужно сорвать цветок и быстро возвращаться в Ведьмино Гнездо, пока чары княжны снежной

не развеются.

Подняла Богданка очи к небу и сквозь голые ветви на ясные звезды глянула. Полюбовалась ими и перевела взгляд на яркую луну, что наполовину прикрывалась темной тучей. Совсем скоро ночное светило в полную силу в свои права вступит. Нужно поторопиться. Опустила девушка глаза и не задумываясь сделала шаг вперед, невзирая на переход дозволенной для людей границы.

Двинулась дальше в лес. Ступала на сырую землю тихо и аккуратно, с опаской по сторонам оглядываясь. Помнила девушка наказ Мары: не попасться на глаза Ягине и сорвать цветок, сунуть его за пазуху ближе к сердцу и немедленно возвращаться в Ведьмино Гнездо.

А когда наконец луна в свою полную мощь вступила и озарила ярким лучиком лесное пространство, предстало перед глазами Богданы диво дивное. На невысоком холме, что прятался за колючим кустарником, сухая трава зашевелилась. Пробился вдруг из-под нее зеленый росток. Потянулся вверх к светилу ночному, а вскоре раскинул широкие листья, которые серебром отливали. Набухать стал белоснежный бутон, искрился и сверкал, а когда совсем распустился, засияло тут яркое зарево, будто являя в мир Яви самое прекрасное, что только может дать. Восхитилась Богдана белоснежным чудом. Потянулась к княжне снежной и оцарапала руку колючками. Больно девушке стало, да не от полученных ран, а от того, что сорвать цветок придется и прервать его недолгую

жизнь, ведь на заре княжна снежная исчезнет, как и не было вовсе, и появится лишь ко дню нового весеннего равноденствия. Еще миг любовалась Богдана прекрасным созданием, а затем вспомнила наказ Мары поторопиться и снова потянулась к цветку. И вот ее тонкие пальцы коснулись прохладного стебелька, как вдруг за спиной послышался тонкий, но приказной девичий голос:

— Это кто ж тебе позволил на моей земле хозяйничать, а?

Застыла Богдана на месте. Руки вдруг задрожали, а ноги словно в сырую землю вросли. Сильно застучало сердце в девичьей груди оттого, что пришлось предстать перед самой Ягиной в образе воришки. Хоть сквозь землю провалились, а все равно от стыда никуда не денешься. И только Богданка хотела развернуться и выпрямиться, да начать вымаливать прощения у хозяйки границ, как вдруг услышала воронье карканье. Еще сильнее напряглась девушка: неужто сам Ворон из навьего царства прибыл?

— Ты чего застыла? Последний раз спрашиваю, кто ты такая и отчего в моем лесу хозяйничаешь? — строго произнесла Ягиня, а затем ее речь слаще меда сделалась. — Ворон, друг мой сердечный! Ох и заждалась я тебя.

Тут и вовсе у Богданки сердце остановилось. Дыхание перехватило так, что, кажись, вот-вот дух из тела вырвется и бросится прочь из дремучего леса. А ежели дух на такое способен, отчего же и смертному не попробовать, когда цветок

волшебный почти в руках?

— Смертная?! — гаркнул Ворон так, что ветер по земле пронесся и затрепал волосы Богданки. На какие-то раздумья и размышления, а особенно на страхи времени больше не оставалось. Она всегда помнила наказ Мары: только не попадаться на глаза Ворону, а как теперь это сделать, когда он сам в человеческом обличье грозно дышит ветром за ее спиной? Смекнула девушка мгновенно и сорвала княжну снежную, громко выкрикнув:

— Сделай меня невидимой, чтобы ни человек, ни сущность какая меня не узрели.

С этими словами бросилась Богданка туда, куда глаза глядели. А они вели ее по протоптанной тропе обратно в Ведьмино Гнездо. К Марочке. Да, только пока мчалась молодая ведунья со всех ног, слышала, как стая каркающих птиц, шурша крыльями, летит за ней и не отстает. Тревожилась девушка, что чары цветка развеются раньше пересечения миров и Ворон схватит ее еще до позорного проигрыша на обряде инициации.

Быстро перепрыгнув невидимую грань, Богдана осмелилась остановиться, чтобы отдышаться. Девушка прислонилась к могучему стволу дуба и повернула голову в сторону дремучего леса, откуда только что еле ноги унесла. И снова замерла, боясь сделать вдох. Притаилась и испуганными глазами смотрела на высокого, широкоплечего, молодого мужчину, который гордо стоял прямо на границе миров. Под яр-

ким светом луны Богданка смогла четко рассмотреть преследователя. Его волосы были черны как смоль, а большие очи темны, словно беззвездная ночь. Смотрел он зорко, будто хотел сквозь деревья и кустарники найти воришку. Высокие скулы и прямой нос показывали мужскую породу, а чувственные уста могли бы приковывать женские взгляды, будь он человеком. Но он — Ворон! Нахмурил густые брови, в очередной раз осмотрелся, ухмыльнулся отчего-то, как будто делая милость Мидгард-Земле, что явился в мир Яви. Резко развернулся, подолом черного плаща поднимая ветер, и рассыпался на тысячи каркающих птиц, что взлетели высоко в небо, а вскоре, каркая, скрылись далеко за дремучим лесом.

Еще некоторое время Богданка стояла неподвижно, а когда поняла, что у нее получилось не только добыть волшебный цветок, но и сбежать от самого Ворона с Ягиной, сердце девушки медленно ожило. Щеки запылали пламенем, а дух в теле встрепенулся. С облегчением выдохнув, ведунья направилась домой, однако не было в ее душе радости. Богданке казалось, что не правильно это — на обман идти. Может, стоило показаться Ворону и молить того о милости? Только, по слухам, навий слуга был непоколебим и жесток. Думалось девушке о старой опекунке: как тогда Марочка без нее будет? За этими мыслями Богдана не заметила, как добралась до селения ведьм на самом рассвете. Вышла из леса, про-

шла мимо капища Перуна, где заметила старосту Ратибора в окружении старейшин и того самого пришлого, которой с Радомиром на смотринах был да на Любаву засматривался.

— Велибор, вы же с Радомиром весь день не разлей вода были, — строго молвил староста Тихого Угла. — Тогда куда подевался мой сын?

— Я не знаю, староста Ратибор! — ответил тот и глаза опустил, будто бы был в ответе за отпрыска старосты Тихого Угла.

Богдана подошла ближе к мужчинам, скрываемая чарами княжны снежной. Ей стало тревожно за Радомира, ведь она видела его последней. Снова девичье сердечко волнительно забилося в груди, понимая, что молодец до сих пор не вернулся из леса, хотя рассвет уже давно наступил и скоро должны начаться соревнования.

— Этого щенка не было всю ночь, куда он мог деться? — недоумевал мужчина. — Сегодня после обряда свататься к Любаве пойдем, а как без жениха-то?

Бросилась Богданка обратно в лес, Радомира искать. Чужой он был в этом месте, мог и заблудиться. А вот она каждый уголок леса как своих пять пальцев знает.

— Лишь бы на Глубокое озеро не пошел! — вырвалось вслух, ведь кто к озерным девам попадает, уже назад живым не воротится.

Внутреннее чутье молодой ведуньи подсказывало, что именно там и находится Радомир. Ускорившись, Богдана

пробиралась по заросшей тропе к Глубокому озеру, о котором только плохое в Ведьмином Гнезде сказывали. И чем ближе подходила девушка к водоему, тем гуще становилась чаща, а тропинка зарастала высокой травой и выпуклыми корнями деревьев, за которые цеплялись ноги. Вдруг совсем рядом послышался женский залиvistый смех. Отодвинула Богдана рукой очередную колючую ветку и оказалась на берегу голубого, как небо, озера. По правую руку от себя увидела девушка Радомира по пояс в холодной воде, а рядом с ним двух русалок. Озерные деvy были прекрасны: стройны, длинноволосы и, казалось, добродушны. Плескались они в Глубоком озере да с молодцом заигрывали до того момента, как Богданка показалась им, стоящая с княжной снежной в руках.

Зашипела тут одна из русалок. Острые, как кинжалы, зубы на Богданку оскалила. Кожа нежити покрылась крупными мурашками и стала похожа на белый снег, а волосы позеленели и превратились в болотную тину. Вторая русалка чары на Радомира наводила, разум туманила, чтоб не понимал человек, куда попал и что с ним делается. Стоял тот и не шевелился, казалось, готов был отправиться на самое дно водоема по приказу озерной деvy. Испугалась молодая ведунья за молодца, да и сама побаивалась озерных дев, но вида не подала. Наоборот, уверенно глянула на нежить озерную и княжну снежную к груди прижала.

— Радомир! — громко крикнула Богдана. Тут еще пуще зашипела русалка. — Ну-ка, отпустите его, иначе высушу Глубокое озеро силами волшебного цветка! — пригрозила молодая ведунья.

— Ха-ха-ха! — засмеялись в один голос русалки. — Напугать нас решила бесполезным цветком, приبلуда? Все знают, что нет в тебе чародейства и уже не появится. Уходи немедленно! Из уважения к старой Маре тебя не тронем, а вот молодец нам обеим приглянулся...

— Да, приглянулся так, что поделить между собой не можем, — со смехом подхватила другая. — Он наш!

Понимала девушка и то, что кто попадет в русалочки сети, тому обратной дороги не видать. Только сгинуть в чарах нежити и отдать душу им на растерзание, а такого с Радомиром сделать она не позволит. И снова обратилась к волшебному цветку:

— Помоги, княжна снежная, над Радомиром, сыном старосты Ратибора, чары русалочки развеять. Пусть вскипит вода в Глубоком озере, а русалки на дно уходят и до заката не появляются.

Поднялся ветер. Зашелестел ветками, на которых только стали появляться молодые листья, да прошелся частой рябью по озерной глади. Налетели тут черные тучи и затянули чистое небо темнотой. В самом же озере вода стала бурлить так, что рыба, искрясь золотой чешуей, выпрыгивала и, словно птица, взлетала над поверхностью. Вдруг шаль-

ной карп, пролетая мимо Радомира, шлепнул молодца хвостом по щекам, и тот вмиг очнулся. Чары русалочки спали. С ужасом, не понимая, что происходит, он осмотрелся по сторонам и что было мочи бросился к берегу, к Богданке. Нежить тут опешила. Не ожидали русалки, что приبلуда на такое способна, и под бурление вод скрылись в Глубоком озере. А затем все вокруг утихло. Темные тучи развеялись, а гладь водоема превратилась в зеркало, в котором можно было рассмотреть испуганное лицо Радомира, что сидел на берегу и отрешенно вглядывался куда-то в даль. Еще разочарование Багданы, ведь девушка понимала, что волшебство княжны снежной недолговечно. Она использовала чародейство цветка уже дважды, так что рассчитывать на помощь в обряде-инициации на княжну снежную больше не приходилось. Все старания молодой ведуньи и надежды Мары на волшебство цветка рассеялись. Надобно было сразу, тогда в лесу, показаться Ворону и сдаться до позорного проигрыша в соревнованиях.

— Нужно в Ведьмино Гнездо скорее воротиться, — вымолвила девушка, глядя на мокрого Радомира. Тот приходил в себя от русалочьих чар и редко вздрагивал от холода. — Скоро соревнования начнутся, да и Марочка меня зажда-лась, а я тут с тобой вожусь!

— Так и не возилась бы, — ответил Радомир с грустью, потряхнув меховой шапкой, от которой мокрые капли разлете-

лись в разные стороны. — Все равно мне без тебя свет не мил. Лучше бы сгинул в пучине озерной, чем нелюбимую в жены брать.

— Не нам решать судьбу, Радомир! Наберись мужества и возвращайся к отцу! — С этими словами рванула Богданка в Ведьмино Гнездо. Бежала и спотыкалась — не видела из-за слез тропинки. На душе у девушки было так скверно, что хоть в петлю лезь. Может, и впрямь проиграть, чтобы сердце Радомира не рвалось на части? Сгинет она с Вороном в навьем царстве, тогда и забудет сын старосты Тихого Угла о ней, как о некоем наваждении. Заживет с Любовой в мире и согласии да народит потомков, а у Богданки все дороги ведут к Ворону. Как бы они с Марой ни старались обмануть судьбу, а все одно — оковы навьего слуги почти блестят на тонких девичьих запястьях.

Быстро вышагивала Богданка к родной избе, соленые капли с лица смахивая. Краем глаза заметила, как Весея и Любава к званным гостям да сватам готовятся. Двор и избу украшают, радуясь предстоящему родству со старостой Тихого Угла. Стало девушке совсем худо: отчего же нет права детям выбирать самим свою судьбу? Но перечить старшим — значит не уважать своих предков. Ускорила молодая ведунья, к груди княжну снежную прижимая, а когда понурая вошла в избу и, подняв голову, увидела нежданного гостя, тут же волшебный цветок из ее рук выпал и улегся прямо у ног Богдан-

ки. Все тело затряслось так, словно дух из тела рвался, чтобы вновь спрятаться. Сердце громко застучало в девичьей груди, а глаза стали огромными от страха. Она смотрела в черные, затягивающие в самую бездну очи Ворона. А через миг головокружение заставило тонкий девичий стан пошатнуться. Все поплыло куда-то, завертелось и закружилась, а затем Богданка уже ничего не чувствовала, парила где-то в темноте и не видела ни одного светлого для себя лучика.

Глава 4

Важно расхаживал Ворон по избе, измеряя шагами горницу. Строго поглядывал на Богданку, лежащую на деревянной лавке без чувств. Думу думал да понимал, что шестнадцать весен назад совершил непростительную глупость, поддавшись мимолетной слабости. Откуда в нем тогда появилась жалость к малому дитяти, будь оно все неладно? И что теперь делать, когда отпрыск превратился в прекрасную деву с добрым сердцем и чистой душой? Да и какое ему дело до души этой девицы? Однако воровство волшебного цветка припомнил. Значит, на обман идти — греха не бояться!

А когда Богданка при его виде лишилась чувств, подхватил на руки и не позволил упасть. Хотя надобно было стоять как вкопанному, пушай бы головой к полу знатно приложилась, авось мозги на место встали бы. Понимал Ворон, что на воровство подтолкнула старая ведунья, ведь договор важ-

нее золота будет. Отвел навий слуга взгляд в сторону, а затем грозно на испуганную Мару глянул и строго вымолвил:

— Я ж просил на глаза мне не попадаться, старая. Али не помнишь?

— Как не помнить-то, Ворон? Да куда мне было податься с дитем малым, как не в Ведьмино Гнездо? — вопросом на вопрос ответила ведунья, немного помолчала, собираясь с мыслями, а затем выдала: — Верни моей Богданке чародейскую силу, тогда и не придется ей стать «темной невестой»! Ведь она самая слабая ведьма в селении и обряд инициации не пройдет.

— Что ты такое сказываешь, старая? — разозлился тут Ворон не на шутку. — Мне проще немедля от вас избавиться!

— Так и избавься! — осмелела Мара. — Устали мы уже бояться и от тебя прятаться. Надень на Богданку свои оковы, да и пушай идет к Чернобогу в навье царство!

— Ты же прекрасно знаешь, что я не могу этого сделать, как и силу вернуть, — прорычал он сквозь поджатые губы. — Владыка ее сразу узнает, ведь она дитя Сварога и Лады, в ней течет божественная кровь.

— Моя Богданка — дитя богов? Хотя я и сама об этом догадывалась, — махнула рукой Мара. — Так и что теперь... с нами сделаешь? Уничтожишь сам али прикажешь своим темным духам от нас избавиться?

Ворон сделал шаг к тому месту, где княжна снежная лежа-

ла. Подхватил растение с пола и разложил на своей ладони. Жизнь стала покидать волшебный цветок, зеленые листья на глазах засыхали, а белые лепестки один за другим увядали. Накрыл Ворон другой рукой княжну снежную и вновь наполнил ее чудодейской силой. Вдруг лепестки растения распрямились, а стебель и листья вновь налились здоровой зеленью. Засияла княжна снежная, будто ее никто никогда не срывал.

— Цветок поможет твоей Богданке соревнования выиграть, а если нет — не обессудь! Я завершу то, что должен был сделать шестнадцать весен назад, — предупредил навий слуга. Положил цветок на грудь дитяти богов, еще раз посмотрел в прекрасное лицо девицы и покинул горницу.

Богдана с ужасом распахнула глаза, захлопала длинными ресницами, будто бабочка, а затем резко поднялась и соскочила с лавки. Оглядела горницу и остановила испуганный взгляд на Маре, которая держала в руках княжну снежную. Юная ведунья не могла поверить, что еще находится под родным кровом, а Ворона нигде нет. Авось навий слуга ей просто привиделся?

— Марочка, показалось мне, что навий слуга был тут, — залепетала Богданка, ладонь к сердцу приложив. — Такой грозный, такой важный и такой сильный. Глазища во какие, — девка очи выпучила, изображая Ворона, — да темны, как навья бездна. Оттого и разум помутнел, устала верно, не спа-

ла ночь.

— Не привиделся тебе Ворон, моя горлица, — повесив голову ниже плеч, ответила старая ведунья. — Он был тут. Княжну снежную вновь оживил и наполнил цветок чародейством, ведь ты постаралась все его волшебные силы растратить еще до соревнований.

— Значит, был, — с грустью вымолвила Богданка и на лавку рядом с Марой присела. — Отчего же оживил цветок? Почему он это сделал, Марочка? Зачем помогает? — Девица задавала вопросы, на которые пришло время отвечать. Все повернулось так, как, видимо, было угодно судьбе.

— Мне тебя Ворон доверил тогда в дремучем лесу, шестнадцать весен назад, — выдала наконец Марочка после недолгого молчания. Защемило вдруг старое сердце да так больно кольнуло, что в глазах потемнело. — Он... хотел избавиться от младенца, а я... молила оставить тебе жизнь. — Говорить ведунье становилось все труднее. Боль проклятая сдавливала грудь так, что дышать становилось трудно.

— Марочка, что же это значит? — недоумевала Богданка. — Ворон знает, кто мои настоящие родители? — удивилась она, но увидела, что Марочка блее снега сделалась. Глаза закатили, за грудь схватилась и захрипела:

— Плохо мне, моя горлица, сердце защемило. Знай одно: тебе нужно выиграть соревнования любой ценой и не позволить Ворону надеть на твои рученьки страшные навьи оковы! — С этими словами затихла старая ведунья.

— Марочка, Марочка! — заревела в голос Богданка, тонкими пальцами ощупала шею старухи и поняла, что пока еще жива опекунша. Но дыхание женщины становилось редким, того и гляди отправится ее душа совсем скоро в Навь на суд богов. Неужели пришел час расставания? Расстроилась Богданка так, что забыла про саму себя. На лавку уложила опекуншу, быстро под голову ей сунула овчину. Неужто Марочка бросит свою приبلуду в такой сложный и опасный момент? А кто за нее переживать теперь будет на обряде инициации? Да и как жить-то без самого дорогого человека на Мидгард-Земле? Нет, не позволит она старой ведунье просто так уйти.

— Во всем Ворон проклятуший виноват, — горько молвила Богданка себе. — Это он расстроил мою Марочку так, что старое сердце не выдержало!

Корила Богданка не только навьего слугу, но и в душе отчасти себя. Перевела взгляд на княжну снежную, что сияла серебром и здоровьем, да впопыхах приняла решение. А поскольку сама юная ведунья была способна оживлять только бабочек да грызунов, то, стало быть, с чародейским цветком, и человека можно.

Тонкие пальцы девушки обхватили зеленый стебель цветка, руки отчего-то задрожали. Крупные мурашки, словно целая муравьиная семья, пробежали по спине Богданки. Не должна она ценой своей жизни и свободы лишать Марочку

белого света. Сама же девушка думала о том, что, видно, судьбой ей на роду было начертано погибнуть от рук Ворона. Так что же теперь изменилось? Да ничего! Вдохнула глубоко Богдана, а затем громко выдохнула. Прижала княжну снежную к груди и почувствовала, как чародейство цветка по ее жилам ледяным холодом растекается. Как наполняется каждая частичка тела настоящим, мощным волшебством. Прикрыла на миг глаза Богдана и поняла, что никогда прежде не ощущала себя такой сильной и уверенной, как будто она и есть сама природа, сама магия.

— Я верну тебя к жизни, Марочка, да пусть Сварог меня простит, а Перун не накажет!

Приложила Богдана ладони к груди старой ведуньи и окутала женщину белым туманом, что, словно пушистое одеяло, согревал не только дряблкое тело, но и возвращал душу. Услышала девица громкий стук сердца Марочки, а затем еще, и уже совсем скоро часто забилося оно в груди старухи. Открыла женщина медленно глаза и с трудом поднялась, усаживаясь на лавке.

— Что ты наделала, моя горлица? Что натворила? — обхватила голову руками старая да залилась горькими слезами.

— Не плачь, Марочка! Осталась во мне еще сила волшебного цветка, — пыталась успокоить ту Богданка.

— Да не хватит ее для соревнований, милая! Не хватит!

Вдруг раздался громкий звук рога, зазывал он всех сельчан и гостей Ведьминога Гнезда на капище Перуна, где вот-

вот состоится обряд инициации.

— Чему быть, того не миновать, Марочка, — вымолвила Богданка. — Что на роду моем написано, так тому и быть, как ни крути и как ни извивайся. А сейчас нужно поспешить, ведь соревнования совсем скоро начнутся.

— Ты ступай вперед, моя горлица, — смахнув крупную слезу, ответила женщина. — А я следом поковыляю. Душа моя и сердце с тобой.

Кивнула в ответ Богданка, мол, сделает все, что от нее зависит, и вышла из избы. Окинула взглядом родное место, словно хотела надолго запомнить каждый его уголок. Вот рядом с крыльцом стебельки зеленые полевых цветов пробивались сквозь почву, разогретую весенним солнцем. Чуть подалее оживал после зимней спячки фруктовый сад, деревья которого шелестели ветками при легком дуновении ветерка. Пахло тут по-особенному: любовью и добротой. Улыбнулась, будто напоследок, Богданка Лютику — корова медленно пережевывала сухое сено. Подмигнула Яромиру, что грозно кудахтал и важно расхаживал вокруг кур, да резко развернувшись, поспешила на капище Перуна.

***

Пригревало Ярило-Солнце Мидгард-Землю и пробуждало природу, которая в свою очередь оживала от долгой зимней спячки и дарила новую жизнь. Как в лесу, в самой ча-

щобе, рождались детеныши животных, а в гнездах вылуплялись птенцы, так и в Ведьмином Гнезде появлялись младенцы да намечались пышные свадебные торжества. Только не всем в этом году выпадет честь счастье удержать, кому-то придется попрощаться с Ведьминым Гнездом на веки вечные и стать «темной невестой». А люд честной уже собрался на главном месте селения на это зрелище посмотреть да себя показать и поклониться светлым богам в день весеннего равноденствия. Тут и Любава с Весей радостью светились; староста Ратибор со старостой Гордеем снова какие-то речи вели; Радомир стоял рядом с отцом, да ниже плеч его голова висела, а пришлый-Велибор по плечу по-дружески друга хлопал. Старосты с волхвами песнь ритуальную голосисто запевали, а девицы-красавицы с молодцами под их пение хороводы водили, восхваляя самого бога-громовержца Перуна. Он-то должен обряд инициации принять и благословить юных ведуний на каждом этапе соревнований. В это же время участницы уже находились у идола и ждали своего часа. Тихо о чем-то перешептывались Млада с Гостятой, на соперниц косые взгляды бросая. Малуша с Забавой стояли рядом и понимали, что проиграть придется приبلуде, которую в своих мыслях даже жалели.

— Непутевая, что с нее взять! — вдруг в голос вымолвила Млада, когда Богданка к ним присоединилась. Юная ведунья, как всегда, не обратила на обидные слова внимания, а осмотрелась по сторонам и увидела поникшего Радомира,

а затем взглядом нашла Марочку, которая медленно ковыляла, опираясь на кривой деревянный посох. Старая ведьма остановилась рядом с Весеей и Любовой да замерла, когда поднялся сильный ветер, нагнавший кучевые темные облака. А затем из самого леса вверх устремилась целая стая черных воронов. Птицы стремительно приближались к капищу Перуна, где в этот миг замерло все. Утихли пение и голоса. Ветер тут же успокоился, а участницы в страхе застыли на месте как вкопанные. Все знали, что это навий слуга пожаловал со своей темной свитой. Что ему не терпится брачные оковы на девичьи запястья надеть и наречь проигравшую «темной невестой». Перехватило дух и у Богданки: с одной стороны, ей хотелось еще раз заглянуть в пугающую бездну его глаз и спросить о своих родителях. Но с другой — девица ужасно боялась Ворона и того, что он может с ней сделать. Оставалась надежда только на то, что княжна снежная не совсем волшебную силу потеряла и сможет помочь юной ведунье в этом трудном состязании.

«Это все Ворон проклятуший», — снова мысли Богданки винили навьего слугу. Девица искренне недоумевала: сколько еще весен придется дочерей ему отдавать? До каких пор девичьими слезами будет заливаться Мидгард-Земля и когда же, наконец, старейшины и главные волхвы, обладающие чародейской мощью, воспротивятся темной силе Чернобога? Ведь только сплотившись, можно дать достойный отпор ворогу. А после глянула еще раз Богданка на грозного Воро-

на, что стоял в окружении четырех темных духов в черных до земли накидках, и тут же куда-то далеко спрятались ее героические мысли. Глядели его черные очи только на нее, и прожигал этот взгляд, казалось, насквозь. Он буквально убеждал: если проиграешь — смерть неминуема!

Последний звук рога прозвучал так громко, что птицы от испуга взвились высоко в небеса. Народ совсем притих, давая слово старосте Ведьминого Гнезда Гордею. В этот момент Богданка, набрав капельку смелости, оторвала взгляд от Ворона и перевела его на Марочку, которая стояла бела как снег. Почувствовала девица страдания и переживания старой ведуньи, да деваться уже было некуда. Все, что смогли, они попытались сделать, однако против судьбы не попрешь. Радомир, в свою очередь, также волновался за Богдану и в мыслях представлял, как она окажется первой ведуньей Ведьминого Гнезда и с высоко поднятой головой пройдет все этапы соревнований. Уж тогда он снова обратится к отцу и попросит того переменить свое решение в пользу победительницы. Ведь он-то видел, как юная ведунья на Глубоком озере расправилась с двумя русалками, а значит, ей и остальные испытания под силу.

— Я староста Ведьминого Гнезда Гордей, а по батюшке Мирославович, приветствую вас, люди добрые, на капище почитаемого бога Перуна! — громко молвил староста, чем заставил народ обратить на него свое внимание. — Собра-

лись мы тут в день весеннего равноденствия, чтобы определить, кому из юных ведуний придется стать берегиней Веды-миного Гнезда и отправиться в навье царство с уважаемым Вороном! — Тут староста низко, до самой земли поклонился приспешнику Нави. — А кому выпадет право хороводы водить да готовится к сватовству. К тому же победительница получит от волхвов ценный волшебный подарок — золотой кубок, у которого нет ни дна, ни края, который способен превращать воду в целебное лекарство, что поможет от всякой хвори! — Засвистел тут люд простой, да шапки меховые вверх метнулись. Поднял руку староста, сжал ладонь в кулак, и все снова затихли. — Этот день важен для всего селения, поэтому, восхваляя светлых богов, мы отдадим дочь нашего селения в жены темному богу, чтобы уговор наш был крепок, а доверие к нам нерушимо, — распинался Гордей, в основном, конечно, перед самим Вороном. Правда, навий слуга, казалось, и не слышит этих речей старосты, он хоть и выглядел грозно да важно, однако что-то беспокоило Ворона. Где-то внутри его бездны, казалось, как будто какой-то светлый лучик пытается пробиться. Вспомнил он, как занес острый кинжал над младенцем шестнадцать весен назад, но не смог нанести смертельный удар из-за некоего милосердия, будь оно неладно. Ворон не понял тогда, что произошло, и все это время винил себя за слабость и предательство перед Чернобогом. И вот во что теперь вылилась его мимолетная жалость — дитя богов мало того что жива, так еще и норовит

стать «темной невестой». Пусть только попробует проиграть состязания — навий слуга с силой сжал кулаки так, что костяшки захрустели, — уж тогда-то он придушит ее собственными руками.

Глава 5

Пять участниц стояли перед ясенем. Его давно покинула жизнь. Это дерево из лесной чащобы волшебством переместили старейшины к капищу Перуна специально для первого этапа соревнования. Ствол ясеня устремлялся в небо и, казалось, достигал пушистых облаков. Ветки его были сухи и ломки, а крона изрядно поредела, словно голова векового старика. Это дерево на хворост да дрова разобрать бы — отжило свое. Однако юным ведуньям необходимо постараться вновь вдохнуть в ясень жизнь. Чтоб заструился по его веткам волшебный нектар, который разбудит вечно спящие почки. Чтобы крона его вновь стала пушиста да зелена, а кора больше не сохла и не отваливалась большими кусками.

— Ясень — дерево возрождения и обновления! — громко сказывал староста Гордей. — Поэтому пусть юные ведуньи попробуют вернуть его к жизни целительской силой. Первой свое мастерство Гостята Яруновна покажет да попросит светлого бога о чародейской помощи. Как иглой заплатки на рубахе с портками сажать, так и дырки в коре ясеня залатать ей надобно.

Ткать из конопляных волокон, а после шить из ткани одежду Гостята умела ничуть не хуже, чем пользоваться чародейством. Девушка смалу обучалась мамками да бабками всему, что надобно от женщины, чтобы быть хорошей хозяйкой и женой. И теперь, когда подошло время взрослеть, главное — не упасть духом, а с гордостью пройти все этапы соревнования. Про таких, как Гостята, в селении ведьм говорят: «Кровь с молоком». Крепка, высока, краснощека, осталось только пройти обряд инициации, а там и до свадьбы недалеко, лишь бы не стать «темной невестой».

Подошла девушка к дереву да низко ему поклонилась, а после развернулась и поприветствовала лес, из которого яшень доставили. Затем устремила взгляд к ясному небу, подняла руки к солнцу и прикрыла веки, будто внутренне взывая к светлому богу.

— Славься, бог ясный, Ярило-Солнце! Как даришь ты тепло и жизнь Мидгард-Земле, так и мне не откажи в помощи. Наполни всю меня своим божественным светом и недели чародейством исцеления! — Опустила руки Гостята, снова к мертвому дереву развернулась, подошла ближе к стволу и приложила ладони к трухлявой коре. Вновь юная ведущая прикрыла веки и мысленно представила, как в ее пальцах оказывается золотая длинная игла, а в нее просунута серебряная нить судьбы. Ухватила Гостята крепче ту иглу и быстро принялась дыры латать, будто в руки к ней рваный сарафан попал. Стежок за стежком, еще намного, еще чуть-

чуть, всего-то пара дырок — и будет испорченная одежда как новенькая. А в это время люд честной наблюдал, как зеленая дымка от ладоней Гостяты исходит. Как поднимается все выше и выше по стволу да туго скрепляет между собой трухлявые волокна коры, а те мигом наполняются жизненным соком и превращаются в древесную броню без дырок и трещин. С такой одеждой никакие насекомые теперь ясеню не страшны будут. Закончила Гостята кору чародейством сшивать, завязала на нити последний закрепляющий узелок. Распахнула очи и еще раз поклонилась Яриле-Солнцу, отдавая честь светлому богу. Засвистел народ у капища Перуна, принял, значит, работу юной ведуньи, отчего залилась Гостята скромным румянцем да отошла в сторону, давая дорогу следующей участнице.

— Гостята Яруновна выполнила свою часть задания, а теперь очередь за Малушей Буровой! — объявил староста Ведьминого Гнезда. — Пусть попросит помощи у воинственного бога Перуна и вернет ясеню потерянные с годами ветки!

Поклонилась Малуша народу, лесу и идолу бога Перуна. Она-то, воспитанная только отцом да двумя старшими братьями, не понаслышке знает, как с оружием управляться. Будь то топор или лук со стрелами. Мать умерла, когда Малуша на свет появлялась, да тятя так и не женился больше. Очерствело сердце вдовца, вот и получилось так, что воспитал девку, как молодца. Малуша красотой не отличалась,

обычная была. Не красавица, да и не урод, однако друг сердечный у нее был — Протоп, молодец чуть старше, только вот женственность его вовсе не интересовала. Любил он девку за то, что была сильна духом и телом. Такие и в горящую избу войдут, и медведя одной рукой уложат. Да, верным спутником Протоп видел Малушу, теперь главное — в лидеры выбиться. Хотя куда непутевой-то до чародейской силы его зазнобы. Понимал он, что Малуша не проиграет, а значит, и в их судьбе скоро намечались перемены. Сватов Протоп уже предупредил, как только обряд инициации закончится, так и свадьбу сыграют, благо не было на то никаких препятствий.

— Перун, Мидгард-Землю сотрясающий, громовержец да покровитель воинов, прошу у тебя помощи! Надели меня воинственной силушкой, чтобы противостоять соперницам в этом нелегком бою! — помолилась Малуша и к небу задрала руки, и представила в мыслях, как она метает копьё в самую крону ясеня, а затем и за лук берется. Стреляет она метко, тетиву натягивая. Острые стрелы попадают точно в цель, а в это самое время из рук Малуши синева струится, обволакивает она всю верхушку ясеня, у которого на стволе ветка за веткой появляются. Постепенно загустела крона дерева, будто и не теряло оно свои ветви много лет назад. Теперь же выглядел яшень не стариком, а мужчиной средних лет с густой шевелюрой. И снова громко засвистел народ, а особенно Протоп, ведь Малуша с легкостью справилась с

этим заданием, да и остальные ей будут по силе. Поклонилась Малуша богу Перуну и присоединилась к Гостяте, важно на остальных участниц поглядывая. Заострила взгляд на Богдане, и так ей стало жаль приبلуду, но деваться некуда — договор с Чернобогом нерушим, а особенно когда навий слуга зорко за участницами приглядывает. Увидела Малуша и то, как Ворон на Богданку смотрит, будто уже знает, кому человеческую свадьбу играть, а кому и навью. Сама же приبلуда к груди княжну снежную прижимала, ведь знала, что совсем скоро очередь и до нее дойдет, тут уже не отвертись. Обернулась Богданка в сторону Марочки и громко вздохнула. А затем и на Радомира еще раз глянула, тот все еще стоял печальнее некуда.

— Доказала нам и Малуша Буровна, что она достойна во второй тур соревнований перейти. Ждем теперь чародейства от Млады Велигороны, — снова торжественно молвил староста Гордей. — Пусть покажет нам, как она чародейством излечивать умеет. Надобно теперь сломанные ветки выправить, чтобы вновь они птичьи гнезда на себе удерживали да стали кровом для вылупившихся птенцов. В помощь будет богиня весны Леля, у нее нужно просить помощи!

Улыбнулась Млада на это задание, поскольку выпал ей шанс доказать не только всем присутствующим на капище Перуна свою целительскую силу, а и матери с отцом доказать, что врачевать у нее получается лучше всего. Что они

могут без опасений доверять ей тех, кто обращается за лечебной помощью. И пусть она совсем не сильна физически, зато грациозна и нежна, как белый лебедь. Уж и не шагает вовсе, как человек, а плывет по воздуху, будто по озерной глади. Конечно, красота Млады уступает Любавиной, однако она тоже мила да женственна, а значит, ей непременно нужно пройти обряд инициации, найти жениха и свить свое гнездышко, где она сможет сама врачевать так, как знает и умеет, не оглядываясь на сварливых родителей.

— Красная и прекрасная ты — богиня Леля! Сердце наших оберег и душам вечное утешение. Во всякой дороге, во всяком деле светлом укрепи наш дух и наполни силой лечебной. Зори ясные да солнце красное пусть принесут покой и мудрость. Слава Леле! — помолилась Млада богине Леле и под крону ясеня присела. Спинай уперлась в ствол дерева, а ладони к земле-матушке приложила, чтобы напитаться волшебством природы и наполниться ее чародейскими силами. Представила Млада, как касается сломанной человеческой кисти и ощупывает место повреждения. Пальцами ощущает трещину и опухоль, а также боль. Тут надобно бы хорошенько дернуть конечность, чтобы кость вправить, а дальше приложить ровную узкую дощечку и обмотать льняной тканью так, чтобы плотно держалась на руке. А после чародейством врачевателя и молитвами богам снять ту опухоль и боль. За несколько дней такого лечения от перелома не осталось бы и следа. Только яшень необходимо излечить намно-

го быстрее. Заструилась от Млады желтая дымка вверх по стволу. Находила она раненые ветки дерева, и под чарами юной ведуньи они выпрямлялись и становились на места. На них тут же накладывались невидимые тугие повязки, а целебная сила пускала по дереву волшебный нектар, который мгновенно излечивал поврежденные места так, будто и не ломались они никогда прежде. Волшебство врачевания Млады снова воспринялось на ура. Народ свистел, метал шапки вверх и приветствовал юную ведунью. Староста Гордей даже самолично поклонился Младе в ноги, показывая, что доволен ее чародейством и вместе со старейшинами и волхвами пропускает ведунью в следующий этап.

— Ну что же, очередь за Забавой Мироновной! — громко произнес староста Ведьминого Гнезда и хитренько так улыбнулся. — Тебе, юная ведунья, выпадает честь, будто весне-матушке, добавить жизни ясеню. Ему нужны набухшие почки, вот и постарайся, Забава Мироновна, у Сварога вездесущего помощи для этого задания выпросить!

Низко поклонилась Забава старосте Гордею, а после старейшинам и волхвам. Родилась она в роду у жрецов, а посему бог Сварог был близок ее душе и сердцу, как и еще семи ее старшим сестрицам. Забава была восьмой и самой младшей дочерью, однако отличалась от сестер низким ростом и золотисто-оранжевыми косами. А за эту особенность ее называли дитятей Сварога, а еще светла была девица ликом и скромна

душой. Именно на нее уже немолодые родители надеялись больше всего. Забава должна в семье остаться да привести мужа, и вместе с ним почитать не только светлых богов на капищах, но и родителей не оставить одних в преклонном возрасте. Поэтому юной ведунье, как, впрочем, и остальным, ни в коем случае нельзя было оказаться в навьем царстве.

— Славен будь, наш прародитель Сварог! — начала Забава. — Ты зажег в наших сердцах и душах священный жизненный огонь, так и не остави меня на трудном пути! Помоги своей дочери и надели воскрешающей силой!

Протянула Забава руки к стволу дерева, а затем и крепко его обняла. Закрыла глаза и представила, как, находясь на капище самого Сварога, питается силой воскрешения. В очередной раз заструилась магия по стволу ясеня, теперь она была ярко-оранжевого цвета, как волосы самой юной ведуньи. Сморщила конопатый курносый нос Забава да плотно сомкнула веки, обрамленные рыжими ресницами, будто ей с трудом такая сила дается. Однако не оставил Сварог дочь жрецов, и буквально на глазах дерево начало покрываться частыми зелеными почками. Тут и соловьи громко и радостно защebetали, стали кружить над могучей кроной ясеня, уже приглядывая местечко для гнезд. Громкими, довольными голосами воспринял народ это волшебное диво. Доказали дочери Ведьминого Гнезда, что их сильное чародейство передается по крови, а значит, молва о юных дарованиях разнесется далеко за пределы дремучего леса и ближних посе-

лений. Это привлечет к Ведьминому Гнезду пришлых с золотом и серебром, а тогда-то и торговля в разы увеличится да новые женихи в селении появятся, как будто своих местных мало. Все одно, пусть будут для количества.

— Хорошо ты со своей задачей справилась, Забава Мироновна! Переходишь в следующий этап. — Староста Гордей указал рукой на прошедших первый тур ведуний. Забава низко поклонилась и присоединилась к остальным. Подняла глаза на Богданку и заметила, как та тревожится, с ноги на ногу переминаясь. Да, всякий, кто присутствовал на капище Перуна, сейчас смотрел на приبلуду. Кто-то непутевую от души жалел, кто-то за нее волновался так, что сердце в груди отказывалось биться (таких было двое: Марочка и Радомир), а основная масса в душе радовалась, что совсем скоро Ведьмино Гнездо наконец избавится от этого недоразумения, которое старая ведьма притащила в селение шестнадцать весен назад.

— Подойди ближе, Богдана, не знаю, как тебя величать по батюшке, — молвил староста Гордей, при этом почесывая свой затылок. — Благодаря уважаемой Маре Велесовне, стала ты нашей дочерью, тебе за это и ответ держать, как и остальным юным ведуньям! — Поклонилась Богданка старосте Гордею и сделала шаг к нему. — Задача твоя выпросить у матушки Лады жизнь, которую она дарует каждый миг Мидгард-Земле. И наконец вернуть ясеню душу, которую он

потерял много весен назад. Если выполнишь это задание — присоединишься к остальным девицам, а коли нет — повинешься Ворону и станешь берегиней селения.

При упоминании Ворона Богданка вздрогнула да косо глянула в сторону навъего слуги. Тот стоял важно, с каменным лицом и не шевелился, будто идол какой или скала нерушимая. Дух вновь перехватило, но Богдана взяла себя в руки, как Марочка учила (в любой момент, даже в самый тяжелый, нужно брать тревожные мысли под свой надзор), и медленно приблизилась к дереву.

Народ притих, а соловьи разлетелись в разные стороны, будто ожидая от Богданки предсказуемого провала. Но юная ведунья, успокоив мысли, понимала, что вернуть душу ясню и вдохнуть в него новую жизнь ей под силу. Да и Ворон непоколебимо наблюдал за Богданой, зная, что ей не придется брать чародейство у княжны снежной, поскольку он сам оставил девице немного божественной силы для воскрешения растений и мелких животных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.